

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ОБЫЧНОГО ПРАВА ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. В. Баева

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Поступила в редакцию 23 декабря 2022 г.

Аннотация: в данной статье анализируется одновременное существование трех правовых систем: традиционной для адыгов «Адыгэ Хабзэ», шариата и российского права, когда оно еще не имело большого влияния на западных адыгов.

Ключевые слова: обычное право, «Адыгэ Хабзэ», шариат, адыги, правовой плюрализм.

LEGAL PLURALISM AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF CUSTOMARY LAW OF WESTERN ADYGHES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY

A. V. Baeva

*South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract: this article analyzes the simultaneous existence of three legal systems: traditional for the Adygs “Adyghe Khabze”, Sharia and Russian law, when it did not yet have a great influence on the Western Adyghes.

Key words: customary law, Adygh code, Circassia, sharia, Adyghs, legal pluralism.

Северный Кавказ продолжительное время представляет особый интерес для исследований с позиций теории и истории права. Это обусловлено рядом объективных факторов, так как этот небольшой по площади, но богатый по содержанию регион с пестрым национальным составом совмещает в себе тысячи традиций и диалектов. Люди, которые населяют территорию Северного Кавказа, отличаются особым бережным отношением к родному языку, национальной культуре, традициям и обычаям. И именно этот факт всегда вызывал и вызывает дополнительный

интерес как особая «форма памяти», включающая в себя исторический, социальный, экономический, политический, правовой, морально-нравственный пласт развития общественных отношений. Так, например, на Северном Кавказе нормы шариата¹ и адатные нормы² всегда составляли неотъемлемую часть общественной жизни. Это обусловлено тем, что нормы адата и шариата по своей сути, имея нормативно-регулятивный характер, опираются на нравственно-правовые принципы, определяющие основы правоприменения.

Мораль, нравственность, честь, достоинство, уважение – это только небольшой перечень качеств, которыми должен обладать человек, который свято и непоколебимо считает себя частью большой семьи народов Северного Кавказа. Именно эти фундаментальные человеческие качества позволили народам, проживающим на Северном Кавказе, оставаться носителями особой национальной, традиционной и культурной силы, которая манит и влечёт как в исследовательском плане, так и в практически значимом способе сосуществования людей в социуме.

В этом отношении в качестве объекта исследования правового плюрализма на Северном Кавказе особый интерес представляет собой Черкесия, а именно западная часть Черкесии в XIX в., так как именно в это время можно отметить использование попеременно, а иногда и совместно норм шариата и норм обычного права. Шариат и нормы обычного права часто конкурировали друг с другом, так как нормы права Российской империи еще не получили широкого распространения. Этот факт делает ещё интересней изучение данного вопроса, так как в современной правовой науке бытует мнение, что правовая действительность Кавказского региона помимо российского права определяется нормами мусульманского права – шариата и нормами обычного права горцев – адата.

Поэтому исследование сосуществования трех правовых систем позволит ответить на многие вопросы, которые преподносят современные реалии, например вопросы упорядочивания решений проблем в общественной жизни, разрешения конфликтов и т.д.

Итак, с XIX в. отмечается развитие правового плюрализма на Северном Кавказе, что выражается в придании статуса законности традиционным правовым образованиям, адату и нормам шариата при их ком-

---

¹ Шариат – это тщательно разработанный кодекс поведения, т.е. канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные регулировать отношения мусульманина к Богу, к обществу в целом и к отдельному человеку.

² Адат – обычай, нормы правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отражённые в шариате. Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и тому подобных отношений.

плексном применении для регулирования общественных отношений. При этом необходимо обозначить, что нормы адата и шариата, по своей сути, имея нормативно-регулятивный характер, однозначно опирались на нравственно-правовые принципы, которые определяли основы их правоприменения. На Северном Кавказе нормы шариата и адатные нормы составляют неотъемлемую часть общественной жизни и по настоящее время, ничуть не ослабив своей нормативной значимости. Интерес к этому факту не ослабевает ни на секунду и, более того, заставляет «пытливые умы» теоретической правовой науки ставить всё новые и новые задачи для его углубленного изучения и исследования. Так, исторически Черкесия как государственное образование никогда не была единым государством, но являлась государственно-подобным образованием, объединяла десятки адыгских субэтносов. Несмотря на то, что в Черкесии отсутствовал единый централизованный аппарат управления, адыги во все времена имели «моральное единство» и связь, а именно: свод обычных правовых норм – «Адыгэ Хабзэ», который выполнял функцию регулятора общественной жизни в целом³. В данном случае уместно поставить вопрос: «Как получалось одновременно консолидировать и подчинить общество»? Здесь особая роль принадлежит обычному праву.

Итак, нормы обычного права адыгов – «Адыгэ Хабзэ» – долгое время были неписаными и передавались в виде преданий из поколения в поколение. Источниками хабзэ были как устоявшиеся правовые традиции, так и новые нормы, возникавшие в ходе судебных практик. До наших дней текст хабзэ сохранился благодаря военным – генералам и офицерам российской царской армии, которые в 1840-х гг. записали и систематизировали предания в единый кодекс. У натухайцев, шапсугов и абадзехов отсутствовали высшие социальные группы: у них не было князей, это отличало их от других адыгских общностей⁴. К тому же особенностью шапсугского общества было наличие «соприсяжных братств», прежде основанных на кровном родстве, затем большую роль в них играла присяга. «Шапсуги, соседственные Натухайцам, живут по обеим сторонам Кавказского хребта, занимая на северной его стороне пространство от Адогума до реки Супсы и на южной стороне от Пшады до реки Шахе. К востоку племя это распространяется не везде до самой Кубани»⁵. Необходимо отметить тот факт, что сведения о количестве шапсугов появляются в период завоевания российской армией Черноморья и выселения

³ «Адыгэ Хабзэ» – адыгская этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов. Включает в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом.

⁴ См.: Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский Вестник. 1860. № 16. С. 517–550.

⁵ См.: Там же.

горского населения в Турцию. Так, согласно данным царского историка А. Берже в официальных докладах, численность выселенных адыгов составляла около полумиллиона человек. Но сам он считал эту цифру заниженной, «т.к. все переселенцы, отправившиеся на свой счет на турецких кочермах из портов, нам неподвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц...»⁶. К тому же нельзя отрицать возможное желание российских властей уменьшить масштаб трагедии путем занижения численности переселенных.

Особо хотелось бы выделить тот факт, что активное распространение ислама в Западной Черкесии, а именно в Шапсугии, Абадзехии, Натухае, началось в 20-х гг. XIX в. с помощью представителей имама Шамиля – наибов⁷. Так, в 1841 г. у реки Пшеха состоялось собрание. Его итогом был договор, согласно которому закреплялось строгое следование шариату. Здесь же берут свое начало духовные суды, где приносились клятвы руководствоваться нормами шариата при решении различных вопросов, вводятся системы наказаний и штрафов за неисполнение религиозных обрядов. Шариат имел свою особенность, которая выражалась в том, что он не признавал социального неравенства, все верующие люди равны и, соответственно, одни не могут быть порабощены другими. Введение шариатских норм разрушало привилегии князей, что было характерно для западно-адыгской общности.

Проникновение и распространение ислама среди адыгских народов, исключая кабардинцев, не имело единовременный характер, а было довольно длительным, проводимым не только с помощью наибов имама Шамиля, но и насильственным способом. Так, процесс исламизации общества проходил быстрее там, где социальные отношения развивались в сторону усиления позиций знати. В то же время активизация ислама способствовала объединению адыгских субэтнических групп, так как это было идеологической основой борьбы против российской экспансии. М. В. Покровский считал: «Очень незначительно были затронуты мюридистским движением шапсуги, бжедуги и другие адыгские племена»⁸.

Далее необходимо указать на тот факт, что распространению ислама способствовали не только усилия наибов, но и строительство мечетей, религиозных институтов. Т. Лапинский отмечал положительные аспекты исламского просвещения: «В некоторых частях равнины Шапсугии основаны духовные школы, в которых изучается Коран и арабское письмо. Во время моего пребывания там число учащихся мальчиков во всей

⁶ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Снег. Пятигорск, 2011.

⁷ Наиб в имамате Шамиля – его уполномоченный, осуществлявший военно-административную власть на определённой территории.

⁸ Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40–60-е годы XIX в. // Вопросы истории. 1957.

стране доходило почти до 1000»⁹. Но одновременно создавались и шариатские суды – мехкеме, с кадиями в качестве судей.

Особенностью адыгов «демократической» группы, т.е. западных адыгов, было то, что в результате Бзюкской битвы (итогом которой был социально-политический переворот в начале 90-х гг. XVIII в.) они избавились от княжеского гнета и создали демократические органы власти – «адыгэ хасэ». Здесь большую роль играли семейно-родственные объединения свободных крестьян-общинников, отсутствовала княжеская власть, а класс дворян сосуществовал с крестьянами.

Особенностью же «аристократической» группы адыгов-кабардинцев, бесленеевцев, бжедугов, хатукаевцев было то, что они продолжали находиться под властью князей. И именно по этой причине в российской историографии закрепились такие названия, как «аристократическая» и «демократическая» группы.

Несмотря на отличие, которое имело место быть, шариат и хабзэ одинаково использовались в интересах классовой верхушки и также одинаково обеспечивали власть над доминируемыми. Здесь можно указать на тот факт, что преимущество в использовании хабзэ или норм шариата зависело от уровня исламизации конкретной адыгской общности. Так, «аристократическая» группа отдавала свой выбор нормам шариата, поскольку они более полно обеспечивали интересы классовой верхушки. А. П. Ермолов в «Записках русского генерала» писал: «Кабардинским князьям потому выгоден шариат или суд священных особ, что они, пользуясь корыстолюбием их, в решении дел всегда могут наклонять их в свою пользу в тяжбах с людьми низшего сословия. Закон мусульманский, хотя признает все вообще состояния свободными, но священные особы, удаляясь сего правила, полное действие шариата допускали в разбирательстве дел между князьями и знатнейшими фамилиями узденей, а простой народ, когда требовала польза знатнейших и богатых, всегда был угнетен и бедный никогда не находил правосудия и защиты».

«Демократическая» же группа, включавшая в себя шапсугов, натухаевцев, предпочитала сохранить действие хабзэ, поскольку нормы хабзэ были более понятны и привычны для народа. Меры наказания обычного права были мягче, нежели наказания по шариату. Но первое время поверженные дворяне также отдавали предпочтение нормам хабзэ, поскольку считали, что это может помочь восстановить их былое влияние. В свою очередь старшины использовали шариат в качестве ограничителя возможностей дворян и усиления своей власти.

Нормы хабзэ были более предпочтительны, нежели шариат. Это было связано с тем, что муллы допускали вольное толкование норм Корана (ко-

⁹ *Лапинский Т. (Тэффик-бей)*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. с англ. яз. Г. К. Гарданова. Нальчик, 1995. 465 с.

торый был малоизвестен простолюдинам) при вынесении постановлений. Также необходимо подчеркнуть тот факт, что, поскольку образованных черкесов, умевших читать на арабском и тем более уметь толковать Коран, было очень мало, то при решении относительно важных вопросов народ пользовался хабзэ, а при решении вопросов малой важности обращались к нормам шариата, а «в мелких же делах враждующие стороны обращаются к муллам, для избежания медленности и затруднений в приискании посредников, по обоюдному согласию, тем более что не всякий охотно принимает на себя эту обязанность, могущую навлечь вражду со стороны, недовольной решением дела»¹⁰. Исходя из вышесказанного, можно утверждать о том, что по несходству своему с хабзэ нормы шариата не могли в силе существовать у шапсугов. Так коллизия норм шариата и хабзэ часто приводила к тому, что при решении вопросов, которые решались более выгодным образом на основании норм хабзэ, применялись нормы хабзэ, и наоборот – в соответствующих случаях применялись нормы шариата. В данном вопросе необходимо отметить, что этническая идентичность преобладала над религиозной, т.е. «адыгом быть важнее, нежели мусульманином». И, несмотря на активную пропаганду ислама, в силу противоречий, существующих среди адыгских субэтносов, и несоответствия новой религии традиционной культуре адыгов, исламизировать общество полностью не удалось.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что применение термина «адат» к адыгским народам не совсем уместно, поскольку у адыгов был сформирован неписанный свод юридических и нравственных норм – «Адыгэ Хабзэ», «адыгэ» – название адыгейских народов в целом, «хабзэ» – обычай, закон. Адыгские народы при обозначении адата используют термин «хабзэ».

Далее исторически сложилось так, что для Российской империи Кавказ XIX в. был не только географической границей между Европой и Азией, но и огромной культурной пропастью, где проживают «отсталые варвары», сохранявшие дикие обычаи и первобытный общественный строй. И, несмотря на весь трагизм Кавказской войны, все же она несла для Северного Кавказа цивилизационный и просветительский характер.

Так, заключение Андрианопольского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., на основе которого Российская империя закрепила за собой все восточное черноморское побережье, начиная от устья реки Кубань до бухты Святого Николая (ныне Адлер), оказало огромное влияние на регион.

Достаточно указать на тот факт, что для успешного управления многонациональным регионом наместникам российского государства необходимо было изучить нормы обычного права присоединенных народов,

¹⁰ Карлгоф Н. Указ. соч.

поскольку обычные правовые нормы были не только частью правовой культуры, но и отражали политические, социальные особенности народа. И в этом случае российская администрация при распространении своего влияния отдавала предпочтение нормам хабзэ, дабы завоевать доверие низших сословий, которые могли бы помочь в борьбе с классовой верхушкой, которая была радикально настроена в отношении России. В то время как шариатское движение выступало как оппозиционная сила, объединяющая адыгов в борьбе с царизмом.

Таким образом, обычное право развивается вместе с развитием любого общества, как неотъемлемый компонент культурной и общественной жизни соответствующего народа. Нормы «традиционной культуры» у субэтнотосов западных адыгов использовались как более предпочтительные, несмотря на силу «привезенных» правовых систем. Право, в целом, как часть культуры в качестве условия своего существования и условия своего развития не может обходиться без учета религиозных, культурно-исторических, национально-этнических и иных особенностей соответствующей территории. В Западной Черкесии ислам выступал как сплачивающая и объединяющая сила против российского царизма, а также как инструмент помощи в освободительном движении против аристократии. Из-за отсутствия подходящего общественного строя и поскольку устройство общества у шапсугского субэтноса и других субэтнотосов западных адыгов носило демократический характер – ислам приживался плохо. Также возможно, что в таком поликонфессиональном и полиэтничном регионе, как Северный Кавказ, на этапе развития общественных отношений, характерных для XIX в., позитивное право не справлялось с решением всех возникающих вопросов в области нравственности и морали. В таком случае на помощь приходили нормы обычного права – нормы адата (хабзэ) или нормы шариата.

Библиографический список

- Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа / А. П. Берже // Снег. – Пятигорск, 2011.
- Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря / Н. Карлгоф // Русский Вестник. – 1860. – № 16. – С. 517–550.
- Лапинский Т. (Теффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Т. Лапинский (Теффик-бей) ; пер. с англ. яз. Г. К. Гарданова. – Нальчик : Эль-Фа, 1995.
- Леонтович Ф.* Адаты кавказских горцев / Ф. Леонтович // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882. – Вып. 1.
- Люлье Л. Я.* Черкесия : историко-этнографические статьи / Л. Я. Люлье. – Краснодар, 1927.
- Люлье Л. Я.* Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухайцев / Л. Я. Люлье // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. – 1866. – Кн. VII.

Нефляшева Н. К истории Ислама у адыгов (черкесов) на Северо-Западном Кавказе / Н. Нефляшева // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2019. – № 9.

Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40–60-е годы XIX в. / М. В. Покровский // Вопросы истории. – 1957.

Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь // Кавказский сборник. – Тифлис, 1900. – Т. 21.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Хан-Гирей. – Нальчик, 1973.

References

Berge A. P. Eviction of mountaineers from the Caucasus / A. P. Berge // Snow. – Pyatigorsk, 2011.

Karlhof N. On the political structure of Circassian tribes inhabiting the north-eastern shore of the Black Sea / N. Karlhof // Russian Bulletin. – 1860. – No. 16. – Pp. 517–550.

Lapinsky T. (Teffik Bey). The Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians / T. Lapinsky (Teffik Bey) ; translated from English by G. K. Gardanov. – Nalchik : El-Fa, 1995.

Leontovich F. Adats of the Caucasian mountaineers / F. Leontovich // Materials on the customary law of the North and East Caucasus. – Odessa, 1882. – Issue 1.

Lyulye L. Ya. Circassia : historical and ethnographic articles / L. Ya. Lyulye. – Krasnodar, 1927.

Lyulye L. Ya. Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhaytsev / L. Ya. Lyulye // Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society. – 1866. – Book VII.

Neflyasheva N. On the History of Islam among the Adygs (Circassians) in the North-West Caucasus / N. Neflyasheva // Archeology and Ethnology of the North Caucasus. – 2019. – No. 9.

Pokrovsky M. V. On the nature of the movement of the mountaineers of the Western Caucasus in the 40–60s of the XIX century / M. V. Pokrovsky // Questions of history. – 1957.

Stal K. F. Ethnographic essay of the Circassian people / K. F. Stal // Caucasian collection. – Tiflis, 1900. – Vol. 21.

Khan-Giray. Notes on Circassia / Khan-Girey. – Nalchik, 1973.

Для цитирования:

Баева А. В. Правовой плюрализм как характерная черта обычного права западных адыгов во второй половине XIX – начале XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 103–111.

Recommended citation:

Baeva A. V. Legal pluralism as a characteristic feature of customary law of Western Adyghes in the second half of the 19th century – early 20th century // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 103–111.

Сведения об авторе

Баева Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры теории и истории права и государства юридического факультета
E-mail: anast.baeva96@gmail.com

Information about author

Baeva Anastasiya Valeryevna – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Law and State, Department of Law
E-mail: anast.baeva96@gmail.com